

*Нас уверяют медики: есть люди,
В убийстве находящие приятность.
Я чувствую, что чувствовать должны
Они, вонзая в жертву нож: приятно
И страшно вместе.*

Александр Пушкин

• ВСТУПЛЕНИЕ

— С кучно, Аполлон Григорьевич! — сказал молодой человек, утопая в воротнике по самый подбородок. Гражданский мундир Министерства внутренних дел был явно велик, отчего сидел на нем мешковато.

— Что делать, Николая, таков нам положен удел... — Грудь его собеседника облекал шерстяной пиджак модного покроя с бутоньеркой в петлице, а шею поддерживал накрахмаленный воротничок с шелковым галстуком синеватого отлива. — Судьба, она как продажная...к-хэм, ну не важно кто... В общем, чем больше просишь, тем меньше получаешь, да. Так что следует брать ее за горло, и...

Как именно надо поступать с судьбой — осталось неизвестным, так что в мировой философии образовалась солидная дырка. Окончательно заплутав в закоулках мысли, блестящий господин полез за серебряной вещицей, необходимой в трудную минуту. И припал к источнику утешения.

Николая облизнулся:

— Холодно что-то. Коньяком не угостите?..

Отпустив фляжку, Аполлон Григорьевич занюхал чьей-то косточкой, подобранной среди лабораторных склянок.

— Ус не дорос, — ответил он с душевной теплотой.

И правда, под Колиным носом усы только собирались пробиться, а вернее, решали сделать это в будущем году или погодить. Стерпев обиду, за которую с кем угодно разругался бы вдрызг, Николя отвернулся в ночь.

Из тьмы налетали хлопья снега, липли к стеклу обрывками привидений и таяли зыбкими льдинками. За окном выло и свистело, словно орды зла пытались свергнуть на гранитную мостовую особняк Департамента полиции, перепутав его с замком Добра.

Не найдя в темноте ничего занимательного, Коля обратился к свету. То есть помещению, где просиживал который час. Посмотреть было на что.

Всякий день сюда доставляли разнообразные вещи, среди которых попадались ножи и кастеты, пули и патроны, куски тел и человеческие органы, яды и снадобья, битая посуда и порченная ветошь, ну и не менее полезные штучки. Все это копилось и копилось в немислимых количествах. Богатством, при виде которого любая женщин упала бы в обморок, не пожелав возвращаться к жизни, владел великий, без всякого сомнения, криминалист Лебедев.

Да вы его знаете! Невозможно забыть эту удивительную фигуру, хоть раз заметив. А попав под раскаты грома голоса — тем более. Лебедев представлял собой редчайшую смесь безудержного бахвальства с неисчерпаемым оптимизмом, научным талантом и бешеным трудолюбием. Женщины и барышни теряли остатки воли, подпав под его убийственное очарование. В общем, не человек — легенда.

Однако нынче Аполлон Григорьевич не был похож на себя, меланхолически разглядывая потолок, на котором застыли следы удачных взрывов и буйных пожаров. Даже эта веселая картина его не радовала. Пребывал он в состоянии совершенно ему чуждом, а именно: тихой печали. Кислое настроение хозяина непонятным образом передалось лаборатории-кабинету. Загрустили реторты и пробирки, зачали микроскопы и горелки. Безымянный череп тосковал пустыми глазницами. Даже краски анатомических плакатов и снимки трупов словно заскучали. Нерадостная, в общем, царила обстановочка.

Николя ощутил, что еще немного, и сам завоет и заплачет от тоски.

— Что же мы с вами теперь делать будем? — осторожно спросил он.

— Уныние — это грех. И грех смертельный, да. Вам, как светлomu будущему нашего сыска, тем более непростительный.

— Что мы... что я без Ванзарова...

Лебедев помолчал, быть может, оценивая себя по той же мерке.

— Никакого «без» быть не может. Родион в лучших руках, стая профессоров от него не отходит, — сказал он. — Я верю: все будет хорошо.

— А вдруг... уже?

— Подтяните нюни, Гривцов, чай, не баба, чтобы слезы лить! Еще накаркаете... — Отъявленный материалист и циник аккуратнo поплевал за левое плечо.

Поддержав ритуал, Коля усердно заплевал чье-то вещественное доказательство. И поделом: валяется где ни попадя.

Через силу зевнув, чтобы изобразить спокойствие, Лебедев потянулся до хруста мышц.

— А вот ждать — нет ничего хуже. Чем бы заняться? Хоть в шашки вас обставить или поучить уму-разуму, что ли...

Николя аж подпрыгнул:

— Ух ты! Научите!

Невольно возник вопрос: уж не поторопился ли Аполлон Лебедев взять под крыло этого птенца? Уж не глуп ли мальчик?

Но мальчик вовремя опомнился, положил руки на колени, как прилежный гимназист, и вытянулся в струнку.

— В сыщики намылились, а простейших вещей не знаете, да.

— Не знаю! — согласился Коля. — Научите!

Из глубин походного чемоданчика явился предмет, наводивший ужас на все Министерство внутренних дел, а порой и корпус жандармов. Лебедев курил такие яростные никарагуанские сигарки, что от их дыма биологическая жизнь сворачивала к неизбежному концу. Недаром в его обители не было ни комаров, ни мух в самую жару.

Съежившись, Гривцов изготавился сносить чудовищный запах. Уж больно хотелось стать великим сыщиком, как...

— Какое главное качество сыщика? — спросил Лебедев, поигрывая сигаркой, словно опасной бритвой.

— Умение угадывать?

— Гадают на Святках или на кофейной гуще, а в полиции... Вот вам пример. Как-то весной 1888 года отправили меня в Одессу, где случилось убийство некоего Трепова — важного городского чиновника. Поставили на уши всю полицию, но никого не нашли. Я провел экспертизу, изучать ее, конечно, не пожелаали. Зато лихие головы вызвали из Англии некоего Шерлока Холмса¹. Господин этот побродил вокруг да около и нашел виновника. Местные полицейские даже охнуть не успели, как убийца давал признательные показания. Мистер Холмс взял гонорар, довольно солидный, ничего не объяснил и отбыл на пароходе к себе на остров. Характер у него был вздорный, на всех смотрел свысока, вида чудовищного — нос как у хищной птицы, баловался морфием и кокаином. Постояльцев гостиницы донимал пикиканьем на скрипке. Но дело-то раскрыл. Знаете почему?

— Везенье?

— Гривцов, не в карты играете. И в картах везенья никакого, одна техника рук... Мистер Холмс внимательно ознакомился с моими выводами и применил логику. Правда, называл ее «дедуктивным методом». Понимаете?

Коля приободрился, словно вытянул знакомый билет.

— Дедуктивный метод мы проходили на уроках алгебры. Он заключается в том, что...

¹ Сведения подтверждает биограф мистера Холмса доктор Ватсон в записках, названных «Скандал в Богемии».

— Сейчас выгоню, — ласково пообещал Лебедев, и фонтанчик красноречия заткнулся сам собой. — Какая алгебра? Людей надо знать! Знать и изучать логику их поступков. Лет десять попрактикуетесь — и поймете, что преступником управляет.

— Злоба?

— Страстишка куда более сильная: выгода.

В цветущие семнадцать лет Коля не был готов узнать, что секрет мастерства банален, как вареное яйцо. Нутро юного рыцаря, а по натуре он был рыцарь, только опоздавший родиться веков на десять, протесовало против скучной правды.

— Так просто? — сдержанно спросил он.

— Пока придете к такому выводу — много дряни нахлебаетесь.

— Неужели Ванзаров только этим методом пользовался?

Выдержав многозначительную паузу, Аполлон Григорьевич с неохотой ответил:

— Ну, почти.

— Не верю.

— Что?!

Храбро зажмурившись, Николая повторил:

— Не верю, чтобы Родион Григорьевич одну выгоду искал. Хоть гоните — не верю.

— Не верите, значит?.. И правильно делаете...

Гривцов совершенно растерялся:

— То есть как?

— Как в жизни, юноша: нельзя знать, что происходит на самом деле, пока не доберешься до сути.

— Эх, дали бы мне только дело, уж я бы так добрался, все вверх дном перевернул, до каждой причины докопался, как Ванзаров... — размечтался юный чиновник полиции. Николая имел самый нижний чин, а потому бегал по поручениям всего полицейского участка. Вместо того, чтобы гоняться за преступниками. Или хоть за жуликами.

Метким броском сигарка отправилась в реторту.

— Значит, готовы копать не покладая рук? — спросил Лебедев. — А хотите профессиональное пари? Условие простейшее: излагаю историю, которую мне сам Ванзаров рассказывал, и если под конец определите, кто виновник, то...

— Я согласен! — вскрикнул Николай.

— ...угощаю великолепной сигарой.

— А если не угадаю?

— Отменный щелбан. Ну, как? Проверим на прочность ваш лоб, то есть талант?

Еще неизвестно, что лучше: синяк или мучительная агония. Но выбора не осталось.

Коля принял вызов.

Закинув ногу на ногу, от чего роскошные ботинки сверкнули глазом ворона, Аполлон Григорьевич пока отложил сигарку и сказал:

— Вот и отлично. Хоть время с пользой уьем... Так, что бы вам такое предложить легонькое для начала... А!.. Вот, к примеру, был такой случай...

• ИЗ НАСЛАЖДЕНИЙ ЖИЗНИ

... Среди тайн мироздания одна совершенно неразрешима: чего хотят женщины. Прочие загадки неизбежно падут под натиском разума. А криминальные — тем более. Пронзая преступление, как вилка — пюре, логика выковыривает тайну, что косточку из вишни. Любой хитрец перед атакой мысли спасует. А если хорошенько приложить его знанием человеческой природы, то уж спасайся, кто может. Под пятой разума треснет любое преступление, как гнилой орех. И лучше быть ему покрепче, чтобы разуму нашлось где потоптаться, то есть — развернуться...

Так или вроде того размышлял молодой человек, с утра пораньше заявившийся в полицейский дом на Офицерской улице. Первый этаж серого строения занимал 3-й участок Казанской части, на втором расположились кабинеты полицеймейстеров II Отделения, а на самом верху приютилась сыскальная полиция. Куда и взбежал неурочный гость.

Сонный городовой недобрым взглядом одарил раннюю пташку, долго возился с ключом и предоставил

гостю самому проникать в казенное помещение. Юношу так распирало желание поскорее взяться за дело, что мелкие неурядицы остались незамеченными. Деловито распахнув окна, чтобы воздух утра выгнал из помещения ночную затхлость, направился он в дальний угол приемной части сыска, где разместился за потертым столом, сложил руки, как на уроке, и приготовился ждать.

Пока он сгорает от нетерпения, успеем подметить кое-что в его наружности. У юноши слишком чистый воротник сорочки, наглаженной и накрахмаленной, безупречно повязанный галстук, отутюженные брюки и вычищенный сюртук гражданского образца. Именно так должен выглядеть карьерист и подхалим, который мечтает втереться в доверие к начальству.

Образцово-показательный вид немного портила некоторая тучность фигуры. Юноша был скорее упитан, как это бывает с сынками, поздно выпорхнувшими из-под гнета материнской опеки. Но в клубе толстяков его кандидатуру наверняка отвергли бы. Из деталей, примечаемых барышнями, отметим непокорный вихор, выбивавшийся из пшеничной шевелюры, умный, если не проницательный взгляд и довольно крепкую, крестьянскую шею, на которую так приятно взгромоздиться женошке с детишками. Но этого счастья юноша лишен начисто. Был он холост и даже в некотором смысле... Ну, об этом не время.

В сысчной полиции молодой человек оказался по доброй воле, чего никак не мог понять его прежний

начальник. Он начинал в канцелярии Министерства внутренних дел, где быстро получил коллежского секретаря, и перед ним открылись самые заманчивые перспективы. Но приспичило ему отправиться в самое пекло, клоаку и забытый милостями отдел Департамента полиции, а именно — сыск. Все потому, что имел ум, развитый классическим образованием и Петербургским университетом, что по нынешним временам бесполезная, если не вредная обуза. Этот самый ум хотелось ему применять по назначению: раскрывать великие преступления и вступать в бой с коварными или на худой конец — талантливыми преступниками.

Будьте уверены: отправь его в Англию — участь Джека Потрошителя была бы незавидной. Но мудрое начальство и слушать об этом не хотело, а командировочные выписывать — тем более. Денег на торжественные приемы и банкеты не хватает, так еще всяких молодчиков за границу отправлять. Так что старина Джек спокойно мог и дальше потрошить, сколько захочет. Но местным гениям преступного мира пора было вздрагивать от страха, ожидая скорого разоблачения. Жаль только, они не догадывались об этом.

Несколько дней назад, заступив на службу закону и порядку, молодой человек... ах да, зовут его Родион Ванзаров, как же иначе, сгорал от нетерпения что-нибудь раскрыть. Но пока начальник сыскальной полиции, милейший Платон Сергеевич Воцинин, допускал его лишь перебирать старые бумаги, заниматься перепис-

кой с канцелярией и вообще вести скучнейший образ жизни. Немногочисленные чиновники сыска пока не распахнули объятий дружбы, а присматривались: чем-то юнец им не нравился. И не то что не нравился во-все, а был словно другой, как породистый конь в стаде деревенских лошаков. Быть может, это необъяснимое чувство чуждости вызывало неприязнь.

Родион хотел показать, на что способен, но окружающие чиновники держались от него на безопасном расстоянии, словно догадываясь: молодчик способен таких дров наломать, что мало не покажется. А Родион, если б дали, носом бы землю рыл, но раскрыл десяток-другой дел, зависших в долгих розысках. Однако соверши он подобный подвиг, что бы осталось на долю других? Нет, нельзя такой вольности допускать. Перо, чернила и бумага — все, на что мог рассчитывать сыщик-новичок.

Между тем, предельно скромный в поведении, юный Ванзаров в тайных уголках души считал себя отменным знатоком человеческой природы, а особенно женщин. Буквально видел их насквозь. Оставалось только применить выдающиеся способности в деле. Но, как назло, ничего не подворачивалось.

Пробило девять. В присутственной части один за другим появлялись чиновники, удивлялись, что юнец уже на месте, и, кисло улыбнувшись, приступали к самому важному делу: общению за утренним чаем. Ванзаров ерзал на стуле, как верный пес, ожидая команды «взять». Его, кажется, не замечали вовсе.

Покой сыскной полиции был нарушен самым наглым образом. Распахнув дверь, как к себе домой, чиновник 3-го Казанского, коллежский секретарь Разуваев, заявил, что требуется кого-нибудь послать. У них в участке все заняты (понимай — не желают отрываться от чая по всяким пустякам), так пусть сыскная разберется. Если что серьезное — все равно дело им в сыск отойдет. А нет — так и невелика трудность: сходить да посмотреть.

Господа Жеребцов, Красов и даже делопроизводитель Кузьменко прямо изумились такой наглости соседей снизу. Буквально не могли глоток чая осилить. Это где же видано, чтобы участок дергал сыскную по всякой ерунде! Ну, подумаешь, прибежал швейцар перепуганный, разве это повод вот так бесцеремонно отрывать сыщиков от важных дел. Нет уж, господа участковые, сами расхлебывайте, а нас — только в крайнем случае.

Но господин Разуваев стоял на своем: дескать, вроде бы преступление серьезное, скорее всего, тяжкое, так что прямая дорога — в сыск. Спор уже шел на повышенных тонах и мог продлиться до самого обеда, когда из дальнего угла выскочил юнец, залившийся краской смущения, и немного взволнованным голосом заявил: «Позвольте мне взяться!» Вот так взял и заявил. Жеребцов и Красов изумились такой наивности, а Кузьменко натурально поперхнулся. Но это не оставило бурное развитие событий. Наглый Разуваев вцепился: дело как раз для господина Ванзарова.

Не дожидаясь формального разрешения, юнец сорвался с места, забыв папку с бумагами для ведения протокола, и устремился за чиновником. Старшие товарищи, обменявшись комментариями, решили довести до начальства не лучшее мнение о молодом выскочке. На том и успокоились.

Не меньшую заботливость проявил и Разуваев. Указав Ванзарову швейцара, крайне взволнованного и смущенного бородача лет пятидесяти, пожелал успехов, а в качестве подкрепления разрешил прихватить городского. Одного, не более. Родион так заспешил на свое первое дело, что швейцар с городским запыхались, еле поспевали за прытким юношей. Хорошо, что идти было недалеко, а то бы совсем выбились из сил.

Солидный дом нависал над Екатерининским каналом розовым пряником. Внизу блестящие витрины модного магазина, а над ними — три жилых этажа. Квартиры в доме недешевые, господа, здесь обитающие, предпочитали комфорт экономии.

Взлетев по мраморной лестнице, выстланной ковром, Родион увидел распахнутую дверь. Рядом с ней топтался мужчина откровенно услужливого вида. С утра пораньше затянут строгим фракком, волосы гладко расчесаны, под носом прочертились стрелки усов. На вид — лет сорок, значит, профессией служения овладел давно, сам степенный, сдержанный. Ухоженное лицо портило испуганное выражение, словно кривая печать на гладком конверте. Камердинер нервно тро-

гал виски и смущенно покашливал. Когда же узнал, что перед ним чиновник сыскной полиции, — вконец оробел.

Коллежский секретарь хоть и казался с виду мальчишкой безусым (что было чистой правдой), но зеленая книжечка Департамента полиции кого хочешь заставит затрепетать. Камердинер представился Лопаревым Василием Николаевичем, поклонился и был приятно обрадован, узнав, что мальчишку... то есть, конечно, господина, так приятно величают Родионом Георгиевичем. Кругом одна приятность. За всю церемонию Лопарев не проявил желаний зайти в квартиру или пригласить туда полицию, а, напротив, старался держаться ближе к перилам лестницы.

Ощувив веселую нервность во всем теле, Родион скроил проницательный вид и спросил: «Что случилось, любезный?» Удалив вздохи, междометия и запинки господина любезного, картина рисовалась вполне подозрительная.

...Камердинер встал, как обычно, рано, то есть около семи. Привел себя в порядок, умылся, причесался, переделся, приготовил на завтрак яичницу с беконом, заварил чай и отправился будить хозяина. Дверь спальни была приоткрыта. Камердинер заглянул внутрь: постель не тронута, халат лежал, как был оставлен, — на спинке кресла. Но одежды, которую его сеньор разбрасывал как попало, не оказалось. Впрочем, как и самого хозяина. Обойдя гостиную и библиотеку, Лопарев направился к кабинету. Постучав, ка-

мердинер не получил никакого ответа. И тогда забеспокоился. Кликнул швейцара, упросил сбегать за полицией, сам же выскочил на площадку, не решаясь оставаться в квартире.

Выждав паузу, приличную для пронизательного сыщика, Родион заметил:

— Но, может быть, господин...

— Донской, — вежливо подсказал Лопарев.

— ...господин Донской всего лишь не ночевал дома.

— Невозможно-с. Вчера Иван Иванович оставались в кабинете. С тех пор не выходили-с.

Последовал коварный вопрос:

— Откуда вы знаете?

— Его ключи-с лежат в прихожей под зеркалом.

Против такой логики не возразишь. Родион потребовал отчет о вчерашнем вечере, раз с него все началось. Старательно, как вытирал пыль, Лопарев принялся докладывать.

...Против обыкновения Донской вернулся рано, около трех часов дня, в дурном расположении духа, от кофе отказался, но приказал доставить обед часам к десяти. Для чего накрыть у него в кабинете столик на двоих. И не беспокоить. Камердинер исполнил распоряжение в точности. Отправился в ближайшее заведение — трактир «Мадрид», где заказал все, что предпочитал хозяин. Около девяти доставили блюда, Лопарев сервировал стол. Его поблагодарили за службу и потребовали убраться из дома вон. Что камердинер охотно исполнил.

Проницательный юноша подцепил ниточку:

— Господин Донской ожидал даму?

Лицо Лопарева стало совершенно непроницаемым:

— Не могу знать. Иван Иванович может встречаться с кем пожелает-с.

— Но дамы-то у вас бывали?

— Не припомню такого-с.

— Вчерашнюю гостью господин Донской ожидал с большим нетерпением?

— Не могу знать, кто был зван-с.

— Упомянули, что хозяин был в плохом настроении. Это связано с визитом?

— Вернее, они-с сильно нервничали, — поправил Лопарев. — Прямо лица на них не было. Как вернулись, таки и бродили-с мрачнее тучи.

— Предполагаете, возникли неприятности?

— Служу исправно и не считаю возможным совать нос, куда не следует.

Похвальное поведение слуги затрудняло работу сыскальной полиции. Сплетники и любопытные — вот залог успешного розыска. Хотя, собственно, что разыскивать? Преступления, может, никакого и нет! Опомнившись, Родион спросил, где кабинет. Тот оказался напротив, в конце прихожей.

Массивная дверь, блестя белой краской, стояла незбылемо. Ручка полированной меди неохотно поддавалась, когда ее подергали. Нагнувшись, Ванзаров пристроился к замочной скважине, чуть нос не отдавив. В темноте ключ нахально показал язычок с той сторо-

ны. Без сомнений: закрыто изнутри. Радостные искорки предвкушения настоящего дела запрыгали по телу. Юный сыщик решительно смахнул их, как надоедливых мух. Нервы притупляют клинок логики. Вот так-то, господа! А вы как думали? Ну, ладно...

На всякий случай, громко постучав и окликнув хозяина кабинета, Родион приказал швейцару звать плотника. Тут уж Лопарев пошатнулся и схватился за сердце. Такой впечатлительный камердинер попался.

Твердое дерево не желало поддаваться стамеске с молотком. Столяр не раз помянул чьих-то родственников и матушку в придачу, поднажал, еще поднажал, и, наконец, хруст щеколды сообщил о полной капитуляции. Но почетное право открыть дверь было оставлено сыскающей полицией. Решительно приструнив разыгравшиеся нервишки, Ванзаров распахнул створку.

За дверью был просторный кабинет, какой полагается в такой квартире. Сквозь глухо задернутые шторы не пробивается ни один солнечный лучик. Но видно четко и предельно ясно. Тени сомнений разгонял электрический свет, заливавший помещение.

— Попрошу всех оставаться за дверью, — строжайшим тоном приказал Родион. — Городовой, проследите, чтобы посторонние не входили в квартиру. А вы, господин Лопарев, обождите в гостиной.

Уже занеся ногу через порог, он приметил на ворсе персидского ковра сероватые крупинки. Вроде мелкой известки или каменной крошки. Их появление казалось странным: потолок сиял чистотой, никаких

признаков разрушения штукатурки. Зато другие следы ясно указывали на происшествие.

Обеденный столик, какие предпочитают для дружеской или интимной встречи, был опрокинут. Осколки тарелок, фужеров и разбитых бутылок плавали в каше из заливного, жаркого, разнообразных салатов и даже сыров. Ужин предполагался обильный, но легкий, равно подходящий для гостя или гости. Съестное изобилие уже попахивало прокисшим. На помоях возлежала красная розочка, выпавшая из вазочки, словно прощальный привет то ли ужину, то ли Донскому.

Тщательно выбирая, куда ступать, все-таки жаль новые ботинки, Родион приблизился к тому, что заметил еще с порога, но знакомство старался оттянуть. Юный сыщик, готовый к подвигам и приключениям, не вполне созрел для мертвой человеческой плоти. Особенно в таком виде.

Неудобно подвернув ноги и вольно раскидав руки, словно взлетая на крыльях буйного восторга, на ковре расположился мужчина среднего роста. Белую манишку смокинга окропили бурые пятнышки. Вокруг головы натекла и подсохла густая лужица. Но выражения его лица разобрать не смог бы и самый тщательней эксперт. Потому что лица попросту не было, вместо него сплошное кровавое месиво. Гадать про орудие убийства не было нужды. Оно преспокойно лежало рядом, словно визитка.

Потребовалось нагнуться, чтобы рассмотреть уж больно странный предмет. Странный настолько, что

разум отказывался в это поверить. Но глаза не обманули: жертву прикончила рыцарская перчатка. Вернее, кисть в рыцарской перчатке, вырезанная из сероватого камня, сжатая в кулак. Подтеки на сложенных пальцах явно указывали на это. Наверняка принадлежала монументу или памятнику. Что за гость, который приносит обломок каменного изваяния, лущует хозяина, а потом непонятным образом исчезает из запертой комнаты на манер призрака?

Родион мог поклясться, что с рыцарями в столице было туговато. Императоры на лошадях, лошади без императоров, Петр Великий так и сяк — сколько пожелаешь. Львы тоже водились в изобилии. Но вот рыцарей сразу и не припомнишь. Откуда же отломали кусок камня? Не сам же каменный гость пришел, ударил и оставил кисть. Хотя, судя по силе удара, можно такое представить. Да, тяжело пожатие каменной десницы. Вернее — оплеуха. Нет, полный бред. А если...

Сыскная полиция всегда готова сражаться с силами зла, насколько позволяет жалованье. Но преследовать, а тем более разыскивать убийцу, неподвластного человеческой воле, — извините. Богатое воображение уже рисовало вчерашнее событие, сердце билось в растерянности, а разум пребывал в полном отчаянии. Ну как же так: первое дело — и сразу в противниках нечеловеческая сила. Нет, господа, это нечестно. Быть может, правы коллеги, которые не хотели влезать в эту историю? Быть может...

Плотная штора у дальней стены слегка колыхну-

лась. Родион бросился, как кот на канарейку, стремительно отдернул занавес и обнаружил еще одну дверь. Он попытался ее открыть — ничего не получилось, эта дверь была заперта так же прочно, как и первая. Но снизу тянул сквознячок. Не иначе — выходит на черную лестницу. Что любопытно: следы каменной крошки обнаружили и у этого порога.

Логика со здравым смыслом (то есть то, что мешает чиновнику делать карьеру) стали нашептывать: берись за дело, а страхи оставь нервным барышням. Для начала — тщательно осмотри кабинет. И Родион послушался тайных советчиков.

Господин Донской был скуп в домашних мелочах до крайности. Квартира была снята вместе с меблировкой, и ни одной безделушки, никаких личных вещичек, вроде трубки или записных книжек, не нашлось. Ничего, что помогло бы определить вкусы, интересы или занятия господина Донского. В такой недешевой квартире не оказалось даже завалящих драгоценностей вроде серебряного портсигара или золотых запонок. Или хозяин не имел привычки держать их в кабинете?

На пустом письменном столе — слой пыли. Лишь в глубине верхнего ящика нашлись смятые корешки от приходных ордеров известных петербургских банков: Сибирского, Первого коммерческого, Азовско-Донского и Частного. Судя по записям, Иван Иванович получил в каждом из них довольно солидные суммы. Причем вчера. Все вместе — на пятьдесят четыре

тысячи. Цифра просто гигантская. Жалованье чиновника полиции за пятьдесят лет, не меньше. Как видно, господин Донской был не стеснен в средствах.

Но зачем такая куча денег сразу? От статуи откупаться? Так ведь каменный истукан равнодушен к земным богатствам. Или пару домов на Невском проспекте захотелось купить? Еще и на пароходик останется. Если деньги ему выдали сторублевками, «кирпичик» получился солидный, размером со среднее полено. В карман не запихнешь. Но в кабинете денег не нашлось.

Появление в гостиной чиновника полиции, хоть и юного, камердинер встретил резвым подскоком, изъяснив всю преданность, на какую был способен.

— Что с Иваном Ивановичем? — спросил он, будто сидел у постели умирающего родственника и теперь ждал окончательный диагноз врача в тайной надежде на чудо или наследство. Но в ответ получил строгий вопрос:

— В котором часу ушли из дома?

— После девяти, — вежливо напомнил Лопарев.

— Прошу точнее.

— Быть может, без четверти десять или что-то вроде того.

— Когда вернулись в квартиру?

— Около полуночи.

— Где провели время?

— В «Мадриде», чтобы далеко не ходить. Трактир закрывался, я и вернул. А почему вы задаете такие

странные вопросы, господин полицейский? Что с господином Донским, ответьте же, наконец...

Но мольбу Ванзаров пропустил мимо ушей.

— Когда вернулись, свет в окнах кабинета горел?

— Позвольте... Дайте вспомнить... В прихожей свет горел, да и в других комнатах, как я оставил. Наверняка и в кабинете горел.

— Слышали оттуда какой-то шум или удары?

— Да как же я мог слышать, когда меня здесь не было! — искренно поразился камердинер.

— В вашем присутствии шум был?

— Какой шум! Иван Иванович по кабинету гуляли-с и о чем-то размышляли-с. Мне даже рукой не махнули-с. Я сам входную дверь запер.

— А после вашего возвращения?

— Нет, тихо было.

— И вас не удивило, что из кабинета не раздается смех или звон бокалов?

Лопарев всем видом выказал глубокое удивление:

— С чего мне беспокоиться?

— Может, постояли у двери, послушали. Дело обычное...

— Не имею таких привычек, господин Ванзаров...

— Не стоит обижаться, Василий Николаевич, я должен был об этом спросить. Объясните: если в квартире было тихо, как вы поняли, что Иван Иванович дома?

— Что ж тут странного: пальто на вешалке, дверь я сам открыл, да и про ключ изволите знать.

— А в спальню заглядывали?

Василий Николаевич взглядом дал понять, какое гнусное оскорбление ему нанесено, и добавил:

— Камердинером служу-с, а не любопытной горничной...

Примирительно помахав ладошкой, словно гася разгоравшийся пламень, Родион спросил:

— Где господин Донской хранит деньги?

— Наверное, в банке, он мне не докладывает. Небольшая сумма на хозяйство лежит в кухонном буфете, если изволите...

— Вчера утром Иван Иванович получил более пятидесяти тысяч. Вы можете предположить, на что он собирался их потратить?

Строгие бровки камердинера полезли на лоб, выражая глубочайшее удивление:

— Сколько?!

Родион повторил.

— Ума не приложу! Это поразительно! — Лопарев никак не мог справиться с чувствами, даже шлепнул по жилетке. — Нет, ну только подумайте! А мне заявил, что стеснен в средствах. Жалованье за две недели задерживал... Пятьдесят тысяч!

— Донской сделал значительную покупку? Дом? Акции?

— Не могу знать, он мне не докладывал.

— Подскажите, где в доме можно спрятать такие деньги. Сейф или крепко запирающийся тайник здесь есть?

Лопарев довольно откровенно выразился: если бы знал, то проблему с жалованьем давно решил бы без